феодальных законов дворянского классицизма, — торжественная ода рухнула вместе со всей обосновывавшей ее эстетикой отвлеченного искусства, подчиненного рациональным схемам. Державин не столько реформировал похвальную оду, сколько отменил ее. После чего она продолжала влачить существование почти только в качестве благонамеренного ритуала, и никакие попытки реорганизовать ее в творчестве придворного поэта В. Петрова не смогли гальванизировать ее труп. Казенные оды, похожие одна на другую, с точностью повторяющие устаревшую схему, отвлеченные и законсервировавшие набор условных одических стилистических ходов, стали уделом по преимуществу реакционеров искусства. Старый канон торжественной оды в передовой литературе сделался пережитком. Еще в 1783 г. Костров писал в «Письме к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелице, царевне киргизкайсацкой» (т. е. к Державину):

«Наш слух почти оглох от громких лирных тонов,
И полно, кажется, за облаки летать. . .
. . .Признаваться, видно, что из моды
Уж вывелись парящи оды.
(Собеседник Любит. Росс. Слова, ч. X.)

То же повторил в следующей книжке того же журнала и ненавистный Крылову Княжнин (Письмо ее сият. кн. Е. Р. Дашковой на день, в который Екатерина II благоволила пролить свою милость здетним музам, учреждением Российской Академии; Собеседник Любит. Росс. Слова, ч. XI, 1784).

«Я ведаю, что дерзки оды,
Которы вышли уж из моды,
Весьма способны докучать.
Они всегда Екатерину,
За рифмой без ума гонясь,
Уподобляли райску крину,
И, в чин пророков становясь,
Вещая с богом будто с братом,
Без опасения пером
В своем взаймы восторге взят
Вселенну становя вверх дном,
Отсель в страны богаты златом
Пускали свой бумажный гром,
Нас по уши обогащали
И Инд и Ганг порабощали. . .
. . . . . .
И так, не чудно то, когда
Докучных лир стишисты чада,